

О ФОНЕМЕ «Х» В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

О. Н. Пейчева (Одесса)

Из всех согласных звуков южнославянских языков наиболее нестабильным является заднеязычный фриктивный «х». Он по-разному ведет себя как в литературных языках, так и в диалектах. Известно, что диалект может сохранять языковые явления, утраченные литературным языком, а также содержать такие особенности, которые не были восприняты литературным языком. Это касается всех языковых уровней, фонетического в частности. Зачастую именно изучение диалектов, сравнение и сопоставление различных заместителей данного звука в диалектах позволяет рассматривать поведение фонемы в диахронии, дает возможность определить основные тенденции и перспективы фонетической эволюции звука.

По степени восприимчивости диалектных изменений звука «х» южнославянские литературные языки значительно отличаются друг от друга.

Тема предлагаемой работы — выявление статуса фонемы «х» в южнославянских литературных языках и их диалектах на современном этапе.

Поскольку тенденция к утрате фонемы «х» затрагивает в основном южнославянский диалектный континуум, этот вопрос рассматривается не во всех сравнительных грамматиках славянских языков.

Материалом для анализа послужили труды южнославянских филологов, диалектологов, историков языка, затрагивающих эту проблему, а по отношению к переселенческим болгарским говорам Украины и Молдовы материал извлекается нами из «Атласа болгарских говоров СССР», созданного коллективом авторов под редакцией С. Б. Бернштейна. Кроме того, использовались наши собственные наблюдения по консонантизму болгарского говора с. Ореховка Одесской области.

Лингвисты отмечают тенденцию к исчезновению «х», рассматривают различные виды его замены, пытаются объяснить причину утраты этого звука. Согласный «х» принадлежит к заднеязычным фриктивным звукам. В отличие от коррелятивной пары взрывных «г»-«к» (южнославянским языкам свойственен тип взрывного «г») заднеязычный «х» является непарной фонемой, не поддерживаемой оппозитивными звуками. Изолированные фонемы проявляют неустойчивость. Этим фонологическим фактором некоторые лингвисты объясняют утрату «х» во многих говорах южнославянских языков, хотя не все ученые (например, С. Б. Бернштейн, Б. Шклифов) с этим согласны.

Нестабильность «х» в говорах южнославянских языков очень вырази-

тельна. Достаточно лишь немного ослабить артикуляционный процесс, как этот заднеязычный согласный превращается в ноль звука. С другой стороны, при усилении артикуляционного процесса он переходит во взрывной («г», «к»). С. Младенов писал, что «фрикативен звук «х» е имал тенденция да се превърне в съответния преграден звук», причем при переходе «х» в «к» «се запазва само веларният характер на артикуляцията и се отстранява шумът на триене» (Младенов, 1979, с. 161). В интервокальном положении при ослабленной артикуляции может появиться какой-нибудь другой согласный (например, губо-зубные «в», «ф» или даже «ј»).

Заднеязычный «х» очень рано стал исчезать в южнославянских народных говорах. А. Белич писал, что в говорах сербского и хорватского языков этот процесс начался еще в XVI веке (Belić A., 1969, с. 106). К. Мирчев указывает, что изменение звука «х» надо рассматривать по отношению к староболгарскому периоду, где «х» представлен четко во всех позициях (интервокальной, начала и конца слова). Самые ранние примеры утраты или замены этого звука в западных и восточных болгарских диалектах К. Мирчев относит к XV-XVI вв. (Мирчев К., 1978, с. 158). С. Младенов приводит примеры из церковных памятников (в частности, из Охридского апостола), из дамаскинов, свидетельствующие о еще более раннем начале этого процесса.

Научная литература располагает данными о том, что в системе консонантизма большинства македонских говоров фонема «х» отсутствует. Что же касается литературного языка, то в нем «х» встречается лишь в книжных словах и заимствованиях, например, хемија, херој, воздух, в то время как в общенародных словах славянского происхождения «х» либо утрачено, либо перешло в «в». Нечастотность и ограниченность использования фонемы «х» в македонском литературном языке говорит о том, что статус данной фонемы в наибольшей степени сближен в книжной речи и говорах.

Близки по статусу фонемы «х» словенский литературный язык и его диалекты. Однако словенский литературный язык и его говоры хорошо сохраняют фонему «х» во всех позициях, чем отличаются от других южнославянских языков.

Во всех других южнославянских языках обнаруживаются более значительные расхождения в статусе консонанта «х». Достаточно активно демонстрирует данное явление сербский язык, в литературной форме которого «х» присутствует, хотя во многих диалектах этимологическое «х» либо заменено другими звуками, либо просто выпадает без каких-либо замен. Известно, что Вук Караджич первоначально не включал данную

фонему в сербский алфавит, т. к. считал ее несвойственной народной речи, которая должна была стать основой литературного языка сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев. Однако в 1835 году, путешествуя по южным окраинам сербохорватской языковой территории, он услышал этот звук в речи простого народа в Дубровнике. Это поколебало его мнение о том, что «х» не имеет места в сербохорватской фонетической системе. Что же касается выпадения «х» и замены его другими звуками, то наиболее ярко эти процессы представлены в штокавских говорах сербской и хорватской языковой территории. Об этом писали Радосав Бошковиц, Асим Пецо, Павле Ивич.

Р. Бошковиц обратил внимание на то, что «нема ниједног црногорског говора, који данас у свима фонетским позицијама и у свима речима чува овај глас» (Бошковиц, 1931, с. 179).

В болгарском языке наблюдается расхождение в статусе фонемы «х» в литературном языке и диалектах. В литературном языке «х» является полноправным членом системы консонантизма, его употребление не ограничено определенными фонетическими позициями. Ст. Младенов писал, что «в новобългарския книжовен език той («х») винаги се запазва там, където е бил налице още в старобългарски, докато народните говори се освобождават от него частично или напълно» (Младенов, 1979, с. 150). Интересна мысль С. Младенова о том, что «книжовният език подкрепя със старото писане един почти изкуствен изговор» (Младенов, 1979, с. 151).

Современные болгарские диалектологи уделяют большое внимание исследованиям поведения данной фонемы в говорах. Изучая и описывая один из родопских диалектов, С. Керемидчиева отмечает, что фонема «х» является в нем нетипичной и стоит на периферии его фонологической системы. «Звукът, чрез който тя се осъществява, се различава от книжовното учленение с по-слабата си, от типа на придихателна, артикуляция. Това фарингално «х», което се открива в много родопски говори и се представя с «h».

Звукът [h] поради придихателния си характер е неустойчив звук, но в Родопите с малки исключения все още се пази» (Керемидчиева, 1968, с. 130).

Вопрос о реализации данной фонемы в болгарском литературном языке также до конца еще не решен. В болгарских грамматиках консонант «х» определяется как велярный, заднеязычный. «При учленението на [x] езикът се дръпва назад, издига се нагоре и с краищата си допира до страните на меко небе... Издишната въздушна струя, като минава през тоя проход, трие

се о стените му и образува особен търков характеристичен шум, присъщ на съгласната «х» (Стойков, 1966, с. 126). Б. Шклифов же считает, что данное описание места и способа образования «х» в болгарском языке перенесено из русских грамматик и не соответствует истине. «Българското книжовно «х» е междинен звук между велярен и ларингален, т. е. увуларен. При неготово учленение езикът не се дръпва назад, не се издига нагоре, не се допира до страните на меко небе. Езикът се намира в относителен спокой като при вдишване — издишване» (Шклифов, 1995, с. 75). Подобный звук встречается и в русских диалектах. «До сих пор в архаических северных говорах Сибири [x] более глубокого образования, чем в литературном языке. Он образуется примыканием небной занавески к задней спинке языка, т. е. является увулярным, а не заднеязычным» (Мещерский, 1972, с. 59).

По мнению проф. Шклифова, в болгарских диалектах существует только увулярное «х», которое является первым этапом изменения реализации фонемы «х». «Основната предпоставка за промените, настъпили при «х» е расколебанането на местоучленението, превръщането му в увуларно, т. е. в по-задно, в по-малко напрегнала с намалена степен на фрикация на въздушната струя» (Шклифов, 1995, с. 77).

В зависимости от способа и степени преграды в болгарских диалектах наблюдается замена «х» другими звуками: [h] и его вариантом [ɣ], [j], [v]. [f] и их билабиальными вариантами, иногда наблюдается полное выпадение [x] или удлинение предшествующего гласного.

С точки зрения судьбы «х» говоры болгарского языка можно условно разделить на три группы:

а) говоры, в которых «х» проявляет себя во всех этимологических позициях;

б) говоры, в которых вместо этого звука могут появиться и некоторые другие согласные;

в) говоры, в которых этот звук вообще отсутствует.

Разделение является условным, поскольку практически невозможно найти идеальную с этой точки зрения ситуацию в живых народных говорах.

Попытаемся на материалах болгарских переселенческих говоров Украины и Молдовы проследить поведение фонемы «х» в различных позициях: а) «х» начальное; б) «х» конечное; в) «х» интервокальное.

На территории Украины и Молдовы представлены почти все основные типы говоров восточной Болгарии (кроме центрально-родопских и некоторых балканских), а также два западноболгарских говора: шопский

и терновский. Говоры переселенцев из северо-восточных районов Болгарии представлены тремя типами: чушмелийским, чийшийским и ольшанским. Каждый из них обладает рядом индивидуальных особенностей и характеризуется различными связями с другими типами восточноболгарских говоров. Представлены также говоры балканского типа, главным образом — южнобалканские. Они делятся на две группы: о-диалекта и ъ-диалекта.

Выпадение начального «х» является характерной чертой говоров чийшийской группы, исключение составляет лишь говор Измаила.

В современном говоре Владичен (Импущита) под влиянием языка позднейших переселенцев установилось смешанное, двоякое произношение. Однако говоры приазовских переселенцев показывают, что старый говор Импущиты не имел «х». Отсутствует начальное «х» и в западных говорах: шопском и терновском. Интересно сохранение «х» начального только в отдельных словах. В говоре Бановки отмечается сохранение «х» в слове «ходят», что также отражает влияние языка поздних переселенцев (см. Бернштейн, 1958). В других группах утрата начального «х» представлена не так последовательно. Отсутствует «х» во многих фракийских говорах, которые, однако, не представляют полного единства в отношении этой черты.

Отсутствие «х» в данной позиции свойственно и смешанным говорам Паркан и Нового Трояна. Чушмелийские говоры в отношении этой черты также примыкают к чийшийским, однако в Кубее, Долинском и Криничном отмечается смешанное произношение. Сохранение «х» начального является типичной чертой большинства балканских говоров. Последовательное сохранение «х» отмечается в говорах Болграда и твардицко-чумленской группы, исключение составляют лишь говоры сел Ореховка и Делены, где «х» в начале слова отсутствует.

Употребление конечного звука на месте этимологического «х» варьируется в переселенческих говорах в зависимости от морфологических разрядов и категорий. Наиболее широко распространены случаи, когда «х» в конце имен существительных и в глагольных формах сохраняется, а в именах прилагательных переходит в «ф». Это характеризует многие чийшийские говоры. Однако в речи жителей Огородного, Каменки и Бановки «х» в конце слова сохраняется и в прилагательных. Эта черта укрепились в двух последних под влиянием языка поздних переселенцев из Болграда. В отдельных говорах конечное «ф» свойственно также существительным и глаголам, а в говоре с. Виноградного всем морфологическим разрядам и категориям. В балканских и фракийских говорах на месте

этимологического «х» в конце слова встречается «у» (суу, гр'ау, глуу, утидъу, плетъу). Наиболее последовательно это наблюдается в говорах Криничного, Кубея и Ореховки. Говорам Паркан, Огородного и Измаила свойственно сохранение конечного «х» во всех морфологических категориях.

Исчезновение интервокального «х» характеризует говоры чийшийской группы, кроме измаильского, а также фракийские и западно-болгарские. В значительной части балканских говоров, в болгарской группе наблюдается последовательное сохранение интервокального «х» и замена его звонким [γ]. Исключение иногда составляет слово «дрехи». В некоторых словах наблюдается разнообразная замена «х». Это хорошо демонстрируют такие слова, как муха, блъха и др. Встречается произношение муха, муа, муа, муа, муфа, причем в некоторых говорах две разные формы сосуществуют, употребляются параллельно.

Итак, проследив поведение фонемы «х» в различных фонетических условиях и морфологических категориях, можно утверждать, что данная фонема занимает особое место в системе консонантизма болгарских переселенческих говоров. Ее статус и функция являются одной из специфических черт для диалектов других южнославянских языков: сербского, хорватского, македонского. Что касается происхождения тенденции к утрате «х» в южнославянских языках, то фонологическая гипотеза — внепарность заднеязычного фрикативного «х» — справедливо подвергается критике. Данной гипотезе противоречат факты других славянских языков. Так, в севернорусских диалектах «х» является таким же устойчивым, как и в южнорусских, а «г» в этих диалектах произносится различно.

Необходимо обратить внимание на то, что неустойчивость «х» охватывает среди южнославянских сербские, черногорские, боснийские, македонские, болгарские и, частично, хорватские диалекты. Словенские же говоры хорошо сохраняют «х». Следует учитывать, что словенский и хорватский языки не входят в Балканский языковый союз. Поэтому кажется справедливым замечание С. Б. Бернштейна о том, что тенденцию к утрате «х» нельзя рассматривать изолированно от аналогичной тенденции в других балканских языках. Наиболее полно она отражена в румынском языке. Это дает основание утверждать, что утрата «х» определилась артикуляционными особенностями языка балканского этнического субстрата, что это субстратная черта языков Балканского языкового союза.

- Belić A. Osnovi istorije srpskohrvatskog jezika. —I, Fonetika, — Beograd: Naučna knjiga, 1969.
- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. — Москва: Изд-во АН СССР, — 1961.
- Бернштейн С. Б., Чешко Е. К., Зеленина Э. И. и др. Атлас болгарских говоров в СССР. — Москва, 1958.
- Бошковић Р. О природи, развитку и заменцима гласа «х» у говорима Црне Горе / Јужнословенски филолог. - Књ. 9. — Београд, 1931.
- Керемидчиева С. Говорът на Ропката. — София, 1968.
- Мирчев Х. Историческа граматика на български език. — София.: Наука и изкуство, 1978.
- Младенов С. История на български език. — София.: Изд-во на БАН. — 1979.
- Стойков С. Увод във фонетиката на български език. — София, 1966.
- Славянские языки / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. —Москва.: Изд-во МГУ, 1978.
- Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. —Москва, 1972.
- Шклифов Б. Проблеми на българската диалектна и историческа фонетика с оглед на македонските говори. — София, 1995.